

DOI: 10.24290/1029-3736-2025-31-4-95-115

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ЭЛЕКТОРАЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПЕРВЫЕ ШАГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Н.В. Карпова, канд. соц. наук, доц. кафедры социальных технологий социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

В.С. Амелин, магистрант социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234**

Статья посвящена проблеме становления цифровой (электронной) демократии в современной России как механизма публичной политики и новой социально-политической практики, обусловленной процессами цифровизации. Рассматриваются вопросы, затрагивающие возможности внедрения новейших информационно-коммуникационных технологий в сферу политического взаимодействия между обществом и государством, а также оцениваются перспективы развития и институционализации инновационных форм демократического участия граждан в принятии политических решений.

Авторами приведены распространенные на сегодняшний день в отечественной и зарубежной науке основные трактовки термина “цифровая (электронная) демократия”. Сам феномен цифровой демократии представляется технологическим механизмом, обеспечивающим включение процессов цифровизации в процедуры свободного политического выбора и политической активности граждан. Отмечается, что возможности цифровой демократии расширяют каналы влияния со стороны общества на реализацию политического процесса на различных стадиях функционирования социально-политической системы, способствуя развитию демократического плюрализма и возрождению элементов прямой демократии.

К числу действующих в настоящее время механизмов цифровой демократии в России авторы относят горизонтальную и вертикальную сетевую коммуникацию, формирование сетевых сообществ, общественное онлайн-управление, электронное голосование. Особое внимание уделено практике дистанционного электронного голосования (ДЭГ), примененной в региональном избирательном процессе и на выборах Президента Российской Федерации в 2024 г. На основании анализа явки избирателей обосновано положительное влияние

* Карпова Наталья Владимировна, e-mail: karpova_warden@mail.ru

** Амелин Вадим Сергеевич, e-mail: vadim-amelin2008@mail.ru

системы ДЭГ на электоральную активность российских граждан. В качестве актуальных проблем становления ДЭГ как элемента цифровой демократии в современной России указаны: наличие цифрового разрыва в стране и отсутствие достаточной уверенности граждан в анонимности данной процедуры. Вместе с тем авторы разделяют позицию, что становление цифровой демократии в России должно выступать фактором расширения возможностей гражданской активности, а не их полной альтернативой.

Ключевые слова: цифровая демократия, публичная политика, публичная власть, электронное участие, информационно-коммуникационные технологии, политическое участие, электронное правительство, дистанционное электронное голосование.

DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE ELECTORAL PROCESS OF MODERN RUSSIA: FIRST STEPS AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Karpova Nalalia V., Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor at the Department of Social Technologies, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: karpova_warden@mail.ru

Amelin Vadim S., Master's student at the Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: vadim-amelin2008@mail.ru

The article is devoted to the problem of digital (electronic) democracy in modern Russia as a public policy mechanism and a new socio-political practice caused by the processes of digitalization. It examines the issues related to the possibilities of introducing the newest information and communication technologies into the sphere of political interaction between society and the state and also assesses the prospects for the development and institutionalization of innovative forms of democratic participation of citizens in making political decision.

The authors present the main interpretations of the term "digital (electronic) democracy" that are widespread today in domestic and foreign science. The phenomenon of digital democracy itself appears to be a technological mechanism that ensures the inclusion of digitalization processes in the procedures of free political choice and political activity of citizens. It is noted that the possibilities of digital democracy expand the channels of influence from society on the implementation of the political process at various stages of the political system functioning, contributing to the development of democratic pluralism and the revival of the direct democracy elements.

Among the mechanisms of digital democracy that are currently in effect in Russia the authors point out the horizontal and vertical network communication, the formation of network communities, public online governance, and electronic voting. Particular attention is paid to the practice of remote electronic voting applied in the regional electoral process and in the elections of the President of the Russian Federation in 2024. Based on

the analysis of voter turnout, the positive impact of the remote electronic voting on the electoral activity of Russian citizens is substantiated. The current problems of remote electronic voting as an element of digital democracy in modern Russia are the existence of a digital divide in the country and the lack of sufficient confidence of citizens in the anonymity of this procedure. At the same time, the authors share the position that the development of digital democracy in Russia should act as a factor in expanding opportunities for civic activity, and not as a complete alternative to it.

Key words: digital democracy, public policy, public power, electronic participation, information and communication technologies, political participation, electronic government, remote electronic voting.

Концептуализация и развитие теоретических оснований публичной политики как многомерного пространства взаимодействия и взаимовлияния государственных институтов и гражданских структур разного уровня неизбежно актуализируют вопросы, касающиеся формирования и функционирования публичной власти, а также воплощения принципов политического представительства в принятии политических решений. В то же время современный дискурс публичной политики характеризуется так называемым “партиципаторным поворотом”, направленным на поиски и расширение каналов и возможностей влияния со стороны граждан на содержание и выработку политических курсов органами публичной власти¹. На фоне цифровизации подобный поворот и вовлечение в политико-управленческий процесс общественных структур неизбежно связаны с развитием в политической практике механизмов “электронного (или цифрового) гражданского участия”, (e-participation) и соответственным внедрением различных электронных площадок для обеспечения цифровой связи с обществом.

В публичной политике возможности применения онлайн формата для достижения “цифровой зрелости” в отношении общества и государства довольно обширны, включая е-информацию, е-консультации и е-соучастие в принятии решений, в зависимости от уровня вовлечения граждан². Вместе с тем, исследовательский спектр проблемы развития и поддержки механизмов цифрового гражданского участия в сфере организации и функционирования публичной власти в той или иной степени пересекается с полем демократической теории и сложившимися в современных государствах демократическими практиками, представляющими, по сути,

¹ Аркатов Д.А. Проблемы электронного гражданского участия в публичной политике города: случай Санкт-Петербурга // Политическая наука. 2022. № 3. С. 296.

² См.: Сунгуров А.Ю. Публичная политика: развитие зарубежных и российских исследований // Политическая наука. 2022. № 3. С. 87.

институциональную основу реализации публичной политики. Тесная взаимосвязь пространства публичной политики с демократическими процедурами очень верно обозначена российским исследователем А.Ю. Сунгуровым, который подчеркивал, что “публичная политика как политика надлежащего управления (good governance), с одной стороны, невозможна без демократии участия, а с другой — является ее основой”³.

В принципе само понятие “публичной власти”, которое в практике российской политики получило особое законодательное оформление в контексте принятия исторических поправок к Конституции РФ в 2020 г.⁴, по своей сути предопределяет ее открытость, характеризующуюся наличием потенциальной и реальной возможности участия граждан в обсуждении и принятии государственных решений. В данном отношении в основе различного рода форм организации и реализации публичной власти неизбежно лежит основной демократический принцип народовластия, легитимирующий осуществление властных полномочий в интересах граждан. Кроме этого, важно понимать, что в своем содержании понятие публичной власти предполагает наличие наряду с государственными органами власти и местным самоуправлением некой общественной власти, включающей наряду с гражданским участием и совещательно-консультативные органы общественного воздействия, которая осуществляется в интересах общества, под его контролем и по его запросу.

Вызовы цифровизации современной эпохи в контексте организации публичной власти, а также укрепления практик демократического участия и гражданского сектора публичной политики ставят перед исследователями задачи, связанные как с переоценкой применительно к текущим реалиям устоявшихся теорий демократии, так и с поиском новых концепций, направленных на включение инновационных возможностей современного общества, технологических и информационных, для реализации и воплощения классических идей демократии. В частности, одной из недавно появившихся в научном дискурсе теоретических конструктов в ракурсе развития механизмов публичной политики является концепция электронной, или цифровой, демократии, ориентированная

³ Сунгуров А.Ю. Публичная политика: развитие зарубежных и российских исследований. С. 92.

⁴ См.: Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г.; с изм. от 1 июля 2020 г. // Собрание законодательства РФ. 2020. № 27. Ст. 4207. Ст. 71, 80, 132.

на обоснование эффективности развития инновационных форм политического взаимодействия акторов гражданского общества и государства, порожденных процессами цифровизации и внедрением информационно-коммуникативных технологий во все сферы жизни общества. Создание и разработка данной концепции в некотором роде наследует идеи прямой демократии, но в то же время ее представители разделяют позиции вариативности в совмещении процедур прямой и представительной демократии, поскольку новые технологии в потенциале способны предоставить весьма широкие возможности для участия граждан в выработке и принятии политических решений.

Понятие “электронная демократия” (впоследствии ставшее взаимозаменяемым синонимом “цифровой демократии”) **впервые появилось в США для обозначения возможности “приобщения граждан к более активному участию в делах общества посредством использования компьютеров и сетей телекоммуникации”⁵.** Как и в случае любой научной интерпретации и категоризации нового явления или процесса, оба этих термина пока нельзя назвать ни устоявшимися, ни однозначными. В самом общем смысле электронная демократия описывает государственное устройство, при котором информационно-коммуникативные технологии (ИКТ) используются для реализации классического набора принципов демократического процесса: всеобщего избирательного права, выборности должностных лиц, осуществляемой посредством института свободных, честных и конкурентных выборов; обеспечения прав на выражение своего мнения и на получение, по словам классика политической науки Р. Даля⁶, “информированного” знания из альтернативных источников информации.

Однако проблема демократии в современных реалиях не связана только с состоянием макрополитических институтов, она определяется в том числе и возможностями поиска коллективных альтернатив для решения политических проблем. Особым образом это проявляется в отношении формирования действенного пространства публичной политики. В этом смысле применима позиция Р. Даля о том, что интерактивные системы телекоммуникаций должны прежде всего способствовать уменьшению разрыва между властью и обществом, позволяя гражданам участвовать в дискуссиях с экспертами, с принимающими политические решения ли-

⁵ Ровинская Т.Л. Электронная демократия в теории и на практике // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 12. С. 85.

⁶ Даль Р. О демократии. М., 2000. С. 96.

цами и получать информацию о публичных проблемах в удобной форме.

Осмысление возможностей электронной демократии развивалось во многом в созвучии с недавно сложившейся теорией *“совещательной демократии”* (термин впервые использован Дж. Бассетом в 1980 г.), базовый принцип которой заключается в том, что процедуры демократии не сводятся исключительно “к избирательным урнам и правлению большинства как такового”, их ценность состоит также в “предоставлении убедительных доводов, и оценок для объяснительных решений”⁷. Потенциал цифровой демократии в данном отношении предлагает новые представления о возможных институциональных структурах в сфере публичной политики, дополняющих и обогащающих ее существующие процедуры, а также расширяющих контексты участия гражданского общества в выработке политических решений. Возможности цифровой демократии, включающие в себя совещательные онлайн-опросы, общественные онлайн форумы, инициативы электронного правительства, электронное голосование, с одной стороны, расширяют коммуникационное пространство для выражения общественного мнения и формирования ассоциативных структур гражданского общества, а с другой стороны, предоставляют новые возможности для реализации совещательных процедур в процессе принятия политических решений.

На развитие *концепции электронной демократии* оказали влияние идеи японского профессора Е. Масуды⁸ о формировании в будущем демократии участия, которая главным образом будет опираться на применение информационных технологий с использованием информационных ресурсов. По его убеждению, в будущем общество может строиться на принципах “компьютопии”, где электронные коммуникационные платформы займут место, аналогичное парламентским структурам. Данные возможности ИКТ, по мнению ученого, смогут открыть пути для непрерывного диалога общества с государством, который обеспечит возможность гибко адаптировать политические инициативы. При такой модели гражданского участия станет “возможным учитывать мнения всех слоев населения, имеющих доступ к информационным сетям, где обратная связь будет осуществляться до тех пор, пока не будет сформировано под-

⁷ Хэлд Д. Модели демократии. М., 2014. С. 391.

⁸ См.: Масуда Е. Информационное общество как постиндустриальное общество // Социокультурные утопии XX века. Вып. II. М., 1983. С. 193.

ходящее решение, что, в свою очередь, позволит удовлетворить интересы не только большинства, как в современных демократических странах, но и меньшинства”⁹.

Несмотря на свою новизну, проблема цифровой демократии уже получила заметное внимание в отечественной и зарубежной науке. Большую популярность приобрели идеи М. Кастельса о роли интернета как совокупности потоков циркулирующей информации в обществах сетевого типа в жизни общества. В своих многочисленных работах ученый указывал на существование “особой формы социальной организации, в которой создание информации, ее обработка и передача становятся фундаментальными источниками производительности и власти благодаря возникновению новых технологических условий”¹⁰.

Значительный вклад в разработку основ цифровой демократии внесли труды К. Хакера и Я. ван Дейка¹¹. Исследователи определяли цифровую демократию как механизм “использования информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) и компьютерной коммуникации (СМС) во всех видах средств массовой информации (например, в интернете, интерактивном радиовещании и цифровой телефонии) в целях усиления политической демократии или участия граждан в демократической коммуникации”¹². Причем ученые отдавали предпочтение именно данному термину в отличие от “виртуальной демократии”, “теледемократии” или “электронной демократии”. Они характеризовали “цифровую демократию” как “совокупность возможностей практиковать демократию без ограничений времени, пространства и других физических условий, используя вместо этого ИКТ или СМС, как дополнение, а не замену традиционных “аналоговых” политических практик”. Следует подчеркнуть, что осуществление практики цифровой демократии К. Хакер и Я. ван Дейк рассматривали применительно как к онлайн, так к офлайн политической коммуникации. Поскольку в любом случае политическая деятельность происходит не только в интернете,

⁹ Масуда Е. Информационное общество как постиндустриальное общество. С. 194.

¹⁰ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000. С. 608.

¹¹ См.: Digital democracy: issues of theory and practice / Ed. by K.L. Hacker, J.G.M. van Dijk. L.; Thousand Oaks; New Delhi, 2000. P. 30–53; Van Dijk J. Digital democracy: vision and reality // Innovation and the Public Sector. 2012. N 19. P. 49–62.

¹² Цит. по: Гуторов В.А. Феномен цифровой демократии: современные теоретические дилеммы // ПОЛИТЭКС. 2024. Т. 20. № 2. С. 344.

но и на физических встречах, где “участниками используются мобильные цифровые медиа”¹³.

Среди отечественных исследователей разработкой проблем электронной (цифровой) демократии занимались С.В. Бондаренко, И.Б. Борисов, И.А. Быков, Е.В. Былинкина, Н.С. Егоров, В.А. Гуторов, Е.Ю. Киреева, Н.В. Лаврик, А.С. Лолаева и др.¹⁴

В частности, А.С. Лолаева выделяет две сложившиеся на сегодняшний день трактовки цифровой демократии — широкую и узкую. В рамках узкого подхода цифровая демократия ограничивается цифровым воплощением традиционных средств демократического участия граждан в реализации отношений представительства, т.е. сюда входят преимущественно электронные референдумы и выборы¹⁵. Широкая же трактовка цифровой демократии включает в себя различные, традиционные (в цифровом воплощении) и инновационные, формы взаимодействия граждан с публичной властью, а именно: электронные опросы граждан, предоставление электронных государственных услуг, электронные петиции, электронные консультации, электронное взаимодействие граждан с местным самоуправлением на уровне системы умного города и т.д.¹⁶

Среди отечественных дефиниций цифровой (электронной) демократии наиболее объективной представляется трактовка российского политолога Н.В. Лаврик, которая определяет ее, как “форму демократии, характеризующуюся использованием ИКТ как основного средства для коллективных мыслительных (краудсорсинг) и административных процессов (информирования, принятия со-

¹³ См.: Van Dijk J. Digital democracy: vision and reality. P. 49.

¹⁴ См.: Бондаренко С.В. Особенности создания и функционирования площадок “электронной демократии” // Полис. 2011. № 5. С. 164–178; Борисов И.Б. Конец доцифровой эпохи политических процессов // Гражданин. Выборы. Власть. 2021. № 1. С. 124–139; Быков И.А. “Электронная демократия” vs “Электронное правительство”: концептуальное противостояние? // Политэкс. 2005. № 3. С. 69–79; Былинкина Е.В. Понятие и виды электронного голосования в России и за рубежом: сравнительно-правовой анализ // Российское право: образование, практика, наука. 2021. № 5. С. 4–10; Егоров Н.С. Облачная демократия как синтез двух форм народовластия: политико-текстологический анализ книги Л.М. Волкова и Ф.Г. Крашенинникова “Облачная демократия” // Nomothetika: Философия. Социология. Право. 2021. № 2. С. 392–400; Гуторов В.А. Феномен цифровой демократии: современные теоретические дилеммы; Дзидзов Р.М., Лолаева А.С. Цифровая (электронная) демократия в России: понятие и пределы // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2022. № 14 (2). С. 14–20 и др.

¹⁵ См.: Лолаева А.С. Цифровая (электронная) и традиционная демократия: вопросы соотношения // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 4. С. 25.

¹⁶ См.: Там же. С. 24.

вместных решений — электронное голосование, контролирование исполнения решений и т.д.) на всех уровнях — начиная с уровня местного самоуправления и заканчивая международным”¹⁷. Основной принцип электронной демократии здесь основывается на возможности подключения к сети любого пользователя, потенциально предполагая прямое волеизъявление участников, по сути являющихся равными обладателями “электронного права гражданина”.

В общем виде эта концепция представляется инновационным технологическим механизмом внедрения процессов цифровизации в процедуры, которые обеспечивают условия для свободного и конкурентного политического выбора, а также возможности политической активности для всех граждан политического сообщества. В результате инновационные информационно-коммуникативные технологии способствуют формированию новой демократической парадигмы, обеспечивающей возникновение и поддержание демократического плюрализма, потребностей и процедур, обеспечивая открытость и публичность политического процесса.

По сути, понятие “цифровая демократия” в большей степени относится к обозначению процесса расширения существующих политических практик посредством “технологических приложений и экспериментов, направленных на совершенствование существующих представительных демократических институтов. Увеличение количества веб-сайтов местных, региональных и государственных органов власти обычно приветствуется как попытка улучшить “интерфейс” между гражданами и властями”¹⁸. **Важно, что концепция “цифровой демократии” никак не привязана к конкретным моделям демократии** (таким как прямая демократия, либеральная и представительная демократия или демократия участия). Она концентрируется преимущественно на технически опосредованных практиках участия граждан в оказании влияния на власти и принятии политических решений и укреплении тем самым механизмов взаимодействия между социальными и политическими акторами в пространстве публичной политики.

С позиций политического участия граждан, или низовых основ демократии, существуют два ключевых аспекта цифровой демо-

¹⁷ Лаврик Н.В. Электронная демократия: теоретические основы исследования // Вестник ЗабГУ. № 12(115). 2014. С. 75.

¹⁸ Гуторов В.А. Феномен цифровой демократии: современные теоретические дилеммы. С. 347.

кратии, обеспечивающие закрепление демократических институтов, это:

- 1) электронное участие в принятии определенных политических решений (например, референдум по принятию поправок в Конституцию РФ в 2020 г.);
- 2) электронное голосование (выборы представителей в органы публичной власти)¹⁹. И хотя при исследовании электронной демократии часто упоминается концепция “электронного правительства”, эти термины по своей сути не являются тождественными.

Система электронного правительства выражается прежде всего во внедрении и предоставлении “в государственных структурах информационно-телекоммуникационных технологий”²⁰, направленных на обеспечение формальных отношений и практик в системе организации политической власти (электронные приемные, электронный оборот официальных документов). Цифровая (электронная) демократия главным образом раскрывает возможности действия социальных механизмов влияния со стороны общества на реализацию политического процесса на различных стадиях функционирования социально-политической системы. Однако, конечно, в контексте цифровой демократии формирование электронного правительства играет решающую роль, поскольку обеспечивает открытый доступ общественности к информации государственной власти и способствует возникновению механизмов интернет-контроля за действиями правительства.

Участие граждан в политическом процессе через цифровые платформы способно стимулировать возникновение двух моделей взаимодействия между обществом и властными структурами. В рамках первого типа взаимодействий выстраиваются вертикальные отношения, по типу “управления-давления”, когда власти используют возможности информационных каналов для сбора мнений граждан по ключевым вопросам государственной политики, включая онлайн выборы представителей в органы власти. Вторая модель социальных взаимодействий в рамках электронной демократии включает в себя формирование социальных интеракций в рамках “совещательных” процессов при обсуждении конкретных

¹⁹ См.: Омеличкин О.В. Электронная демократия: понятие, проблемы // Сиб-Скрипт. 2014. № 1(57). С. 87.

²⁰ Лолаева А.С. Место электронного правительства в системе государственно-го управления // Право и политика. 2022. № 2. С. 23.

политических решений, используя различные сетевые платформы или онлайн-форумы, чтобы оказать давление на Правительство для принятия общественно важных решений²¹. Последнее может проявляться в различных формах, в том числе участие в разработке и реализации различных электронных инициатив, которые могут быть выступать в качестве мощного инструмента выражения общественного мнения и организации публичной дискуссии.

Основные направления развития цифровой (электронной) демократии в России сложились в “Концепции развития в Российской Федерации механизмов электронной демократии до 2020 г.”²². Данная Концепция проворглашала “развитие гражданского общества, которое должно ускориться за счет внедрения информационно-коммуникационных технологий в систему общественно-политических отношений”²³. К числу действующих механизмов в системе функционирования цифровой демократии в настоящее время можно отнести:

1) *горизонтальную сетевую коммуникацию*, предоставляющую гражданам возможности коллективного обсуждения социально и политически значимых проблем в онлайн режиме (массовые онлайн-дискуссии с множеством независимых участников, проводимые на специализированных веб-платформах и в блогах). Например, сюда относятся технологии краудсорсинга, которые фактически находят свое применение по самому широкому спектру направлений: от обсуждения законопроектов до принятия решений по обращениям граждан²⁴. Так, в российской практике одной из востребованных краудсорсинговых платформ является сайт “Российская общественная инициатива”²⁵, нормативной основой которого стал Указ Президента РФ от 4 марта 2013 г. № 138 «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса “Российская обще-

²¹ Омеличкин О.В. Указ. соч. С. 88.

²² См.: Концепции развития в Российской Федерации механизмов электронной демократии до 2020 года. URL: <https://studylib.ru/doc/3992081/konceptsiya-razvitiya-mehanizmov-e-lektronnoj-demokratii#> (дата обращения: 20.01.2025).

²³ Там же.

²⁴ См.: Ваховский А.М. Интернет-пространство: эволюция форм политического участия // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2016. № 4. С. 17.

²⁵ См.: Российская общественная инициатива. URL: <https://www.roi.ru/> (дата обращения: 20.01.2025).

ственная инициатива»²⁶, где каждый гражданин может составить свою петицию или проголосовать за понравившуюся. С набором определенного количества голосов петиция подлежит к обязательному рассмотрению государственными органами власти;

2) *формирование сетевых сообществ* (онлайн-комьюнити), касающихся выражения гражданских инициатив и “проектов коллективных действий”²⁷, что фактически переводит классические формы гражданских ассоциаций и собраний в цифровой формат;

3) *вертикальную сетевую коммуникацию*, включающую в себя электронные каналы общения с органами государственной власти (коллективные электронные обращения в органы государственной власти и местного самоуправления). В частности сюда можно отнести московский проект “Активный гражданин”, который запустили в 2014 г. в рамках другого проекта “Умный город”, позволяющий жителям столицы вступать в прямой диалог с властями и участвовать в принятии общегородских решений. Еще одним подобным проектом является интернет-портал “Добродел”, созданный для взаимодействия жителей Подмосковья с местными органами власти в 2015 г.;

4) *общественное онлайн-управление*, осуществляемое с помощью ресурсов городских интернет-форумов, социальных сетей и более узких специализированных сайтов. Нормативной основой данного механизма является Федеральный закон от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ “Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления”²⁸, который закрепляет за органами власти обязанность публично размещать информацию о своей деятельности, а также предоставлять ее гражданам и организациям по запросу. В 2022 г. ГД РФ приняла законопроект, в рамках которого каждый государственный орган власти обязан создать и использовать официальные страницы в социальных сетях для размещения актуальной информации по своей деятельности²⁹;

²⁶ Указ Президента Российской Федерации “О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива» от 04.03.2013. № 183 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 10. Ст. 1019 с изм. и допол. в ред. от 17.09.2020.

²⁷ Там же.

²⁸ См.: Федеральный закон “Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления” от 09.02.2009 № 8–ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 7. Ст. 776 с изм. и допол. в ред. от 01.12.2022.

²⁹ См.: Федорова Д. С 1 декабря 2022 года госорганы должны будут вести официальные аккаунты в “ВКонтакте” и “Одноклассниках” // Гарант.РУ. 2022. URL: <https://www.garant.ru/news/1564104/> (дата обращения: 20.02.2025).

5) *электронное голосование* (голосование по мобильному телефону, интернет выборы и т.д.), являющиеся одним из центральных элементов и институализированных практик цифровой демократии и позволяющие гражданам принимать участие в избирательном процессе удаленно. В нормативных документах данная форма демократического волеизъявления определяется как голосование без использования бюллетеня, изготовленного на бумажном носителе, с использованием комплекса средств автоматизации “ГАС Выборы”. Электронным называется “бюллетень, подготовленный программно-техническими средствами в электронном виде, применяемый при проведении электронного голосования”³⁰.

Российские исследователи рассматривают электронное голосование в зависимости от применения технических средств или программного обеспечения³¹. Отсюда выделяют, во-первых, *электронное голосование в контролируемой среде*, включающее стационарное голосование в помещении для голосования, и удаленное (выездное) голосование вне помещения для голосования, но под контролем представителей избирательных комиссий с использованием переносных электронных терминалов с прямой записью, сканнеров избирательных бюллетеней)³². Экспериментальное использование подобных сканеров в России состоялось на президентских выборах в 1996 г. на 15 избирательных участках³³.

А, во-вторых, *электронное голосование в неконтролируемой среде*, получившее название дистанционное электронное голосование (ДЭГ), позволяющее технически принимать участие в голосовании из любой точки страны при наличии доступа к интернету. Активное внедрение ДЭГ в избирательный процесс в нашей стране, как наиболее удобной и доступной формы голосования, является одним из важных социально-технологических аспектов становления цифровой демократии, и предоставляет условия как по повышению

³⁰ См.: Федеральный закон “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации” от 12.06.2002 № 67–ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 24. Ст. 2253 с изм. и допол. в ред. от 01.01.2024.

³¹ См.: Баранов Н.А. От недоверия — к легитимации: трудный путь цифровых электоральных технологий на примере России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 3. С. 434–435.

³² См.: Былинкина Е.В. Понятие и виды электронного голосования в России и за рубежом: сравнительно-правовой анализ // Российское право: образование, практика, наука. 2021. № 5. С. 7.

³³ См.: Федоров В.И. Электронное голосование в России: шаг вперед, два шага назад // Pro nunc. 2017. № 2 (18). С. 74.

уровня политической активности граждан, так и по отношению к развитию в стране демократических процессов и практик.

Интенсификация процессов внедрения информационно-коммуникативных технологий при решении государственных задач, включающих в том числе формирование представительных органов власти, получила свое нормативное оформление в Указе Президента РФ “О Стратегии развития информационного общества Российской Федерации на 2017–2030 гг.”³⁴ Чуть позже, в 2019 г., в паспорте федеральной программы “Цифровое государственное управление”, были обозначены конкретные позиции, касающиеся предоставления цифровых сервисов для участников избирательного процесса, направленных, как на обеспечение доступности процедуры голосования для избирателей вне зависимости от места их нахождения, так и на организацию деятельности избирательных комиссий на основе цифровых данных об избирателях и других участниках избирательного процесса³⁵.

Первым экспериментом по проведению дистанционного электронного голосования считается электронный опрос избирателей, проведенный на выборах Собрания депутатов в г. Новомосковске Тульской области, в ходе которого избиратели могли получить специальное программное обеспечение и отдать свой голос дистанционно. Однако фактически старт практики дистанционного электронного голосования в РФ (ДЭГ) был дан выборами депутатов в Московскую городскую Думу, состоявшимися в единый день голосования 8 сентября в 2019 г. И хотя первое голосование на выборах с использованием новых технологий было проведено на территории всего трех избирательных округов, как альтернативный вариант очного голосования, и фактически имело тестовый статус, но вместе с тем в ходе его проведения были проработаны технологические и алгоритмические процедуры, а также создан нормативный формат их реализации, что определилось принятием специального Федерального закона “О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва”³⁶.

³⁴ См.: Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 г. № 203 “О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы”. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919> (дата обращения: 27.01.2025).

³⁵ См.: Паспорт федерального проекта “Цифровое государственное управление”. URL: https://d-russia.ru/wp-content/uploads/2020/03/pasport_cgu_dec2019.pdf (дата обращения: 27.01.2025).

³⁶ Федеральный закон “О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах депутатов

Платформой для проведения голосования стал Портал государственных и муниципальных услуг (функций) г. Москвы.

При этом законодательно в практике организации российских выборов и референдумов дистанционное электронное голосование как голосование “без использования бюллетеня, изготовленного на бумажном носителе, с использованием специального программного обеспечения” было определено в ФЗ “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Федерации” от 23.05.2020 г. № 154-ФЗ (пп.62.1), вносящим поправки в ФЗ “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации” от 12.06. 2002 г. В марте 2022 г. были установлены нормативные основания голосования, проводимого в дистанционной электронной форме на федеральной и региональных платформах, а в апреле 2022 г. Центризбирком России утвердил единые правила использования систем ДЭГ относительно составления списков участников, электронных бюллетеней, процедуры онлайн-голосования.

В последующей российской электоральной практике система ДЭГ и использовалась на голосовании по поправкам в Конституцию РФ в Москве и Нижнем Новгороде, на дополнительных выборах депутатов в Государственную Думу РФ в Курской и Ярославской областях. В сентябре 2021 г. применение ДЭГ было организовано на выборах уже в семи субъектах РФ, включающих Москву и Севастополь, Нижегородскую, Мурманскую, Ростовскую, Курскую и Ярославскую области, в котором приняло участие чуть больше 2,5 млн избирателей. В ходе единого дня голосования в сентябре 2022 г. система ДЭГ применялась в восьми регионах: на федеральной платформе ДЭГ было организовано на выборах в Калининградской, Новгородской, Томской и Ярославской областях, в Калуге, Курске и Пскове; а на региональной платформе онлайн-голосование на выборах депутатов муниципальных образований прошло в Москве.

Наиболее совершенной на текущий момент времени и самой массовой системой электронного голосования не только в РФ, но и в мире стало использование ДЭГ на президентских выборах 15–17 марта 2024 г. Онлайн-голосование на выборах Президента РФ проводилось в 28 регионах на федеральной платформе (в голосовании приняли участие 4 413 884 чел.), и на региональной платформе ДЭГ в Москве (число граждан, проголосовавших через ДЭГ, составило

Московской городской Думы седьмого созыва” от 29.05.2019 № 103–ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 22. Ст. 2659.

около 3,7 млн чел), реально охватив около 8,2 млн чел. Принять участие в ДЭГ имел право гражданин РФ, достигший возраста 18 лет и имеющий верифицированный аккаунт на Едином портале государственных и муниципальных услуг. Выборы 2024 г. примечательны еще тем, что впервые по числу проголосовавших московскую федеральная платформа ДЭГ обогнала Московскую.

Несмотря на ряд технологических проблем, с позиций вовлеченности граждан в политический процесс, система ДЭГ оказывает очевидное воздействие на электоральную активность граждан, постепенно предопределяя институционализацию новой формы политического участия как одного из элементов формирования цифровой демократии в стране. Так, например, после введения ДЭГ на выборах в ГД РФ в Москве 2021 г. явка в каждом из одномандатных избирательных округов по сравнению с предыдущими аналогичными выборами повысилась приблизительно на 13,3%, и если явка в Москве на выборах в ГД 2016 г. составила 34,22%, то в 2021 г. ее средний показатель составил 47,53%. При том, что в 10-ти из 15-ти избирательных округов Москвы доля электронных избирателей составила более 50%.

Понятно, что в силу региональной разнородности российского общества и географической неравномерности процессов цифровизации в стране, интенсивность включенности граждан в ДЭГ может существенно отличаться. Это в частности подтвердило исследование, проведенное А.В. Штерле о влиянии ДЭГ на явку российского электората³⁷. Результаты данного кросс-темпорального анализа показали, что в г. Москве по сравнению с другими регионами корреляция между дистанционным электронным голосованием и итоговым показателем явки является более существенной. Что вполне закономерно определяется, как широтой использования москвичами портала Mos.ru, так и наличием опыта использования системы ДЭГ на ранее проходивших региональных выборах. Немалую роль в вовлечении московских избирателей в голосование при помощи системы ДЭГ играют информационные кампании со стороны московских властей (акция “Миллион призов — #Выбираем вместе”).

Однако процессы институционализации системы ДЭГ как элемента демократического развития не могут рассматриваться вне субъективных, или социально-психологических, факторов, предопределяющих вовлеченность избирателей в онлайн-голосование и соответственно развитие новых форм политического участия,

³⁷ См.: Штерле А.В. Влияние дистанционного электронного голосования на явку избирателей в России // Гуманитарный научный вестник. 2023. № 8. С. 32–39.

а также уровень доверия к внедрению данной процедуры. Так, по данным мониторинговых исследований ВЦИОМ, мнение россиян по относительно использования ДЭГ с 2020 г. остается весьма устойчивым и осторожным: чуть больше 50% потенциальных избирателей скорее одобряют предложение разрешить электронное голосование, четверо из десяти настороженно относятся к подобной инициативе (2020 г. — 43%, 2024 г. — 40%)³⁸. И хотя очевидно, что в силу включенности в цифровое пространство дистанционные технологии больше принимаются молодым поколением (66% в группе до 24 лет vs. 45% в старшей когорте 60+ лет), тем не менее трети молодых избирателей сохраняет скептицизм в отношении данной процедуры.

Вместе с тем, нельзя не отметить, что в российском обществе сохраняется и отсутствие единства относительно прозрачности результатов электронного избирательного процесса. Треть россиян убеждены, что онлайн-голосование никак не повлияет на эту сторону избирательного процесса, но чуть меньше трети российских граждан критически оценивают влияние подобных новаций, полагая, что ДЭГ сделает выборы менее прозрачными. Безусловно, нельзя отрицать тот факт, что «развитие информационных технологий опережает массовое сознание», а процедура проведения ДЭГ сложна для понимания части избирателей, далекими от современных технологий³⁹.

Таким образом, на сегодняшний день можно сказать, что система ДЭГ внесла немалый вклад в процессы становления цифровой демократии в РФ и соответственно в расширение пространства публичной политики. Доступность электронного голосования стала огромным преимуществом, поскольку в тех регионах, где оно применялось, все категории граждан действительно получили возможность легко и удалено принять участие в выборах из любого места. Но в то же время в отношении данного института остается немало вопросов. Основными проблемами ДЭГ как основы развития механизмов электронной демократии в России прежде всего являются наличие цифрового разрыва как среди поколений, так между регионами страны, а также недоверие граждан к данной процедуре,

³⁸ См.: Дистанционное электронное голосование: мониторинг. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/distancionnoe-ehlektronnoe-golosovanie-monitoring> (дата обращения: 27.01.2025).

³⁹ См.: Подзоров Р.А. Анализ практики применения дистанционного электронного голосования в избирательном процессе Российской Федерации // РСЭУ. 2023. № 2 (61). С. 156.

связанное с новизной механизмов электронной демократии и представлениями об их полной закрытости. Так, например, если для получения государственных и муниципальных услуг в Москве, Тыве, Сахалинской и Астраханской областях используют интернет более 90% населения, то в Тверской области — лишь 55,6%⁴⁰.

Конечно, большую роль во внедрении образа ДЭГ в массовое сознание граждан как эффективного и надежного инструмента демократии играет проработанная информационная стратегия со стороны государственных структур и разъяснительная работа с населением, направленная на популяризацию этих механизмов электронной демократии. В частности, ярким примером стала информационная политика на президентских выборах РФ 2024 г. Однако, важным условием эффективной реализации принципов цифровой демократии является обеспечение того, что она служит дополнением, а не альтернативой устоявшимся методам политической и гражданской активности. При грамотном внедрении цифровая демократия может способствовать расширению прав и возможностей граждан, повышению прозрачности и эффективности правительства.

Перспектива внедрения ДЭГ в развитие цифровой демократии будет во многом зависеть от уверенности избирателя в том, что его голос правильно будет учтен, а голосование станет действительно анонимной процедурой. Доверие граждан политическими институтами является основой поддержания только электронной версии демократии, но и все всей социально-политической системе. При том, что развитие информационно-коммуникативных технологий может действительно являться эффективным способом укрепления и легитимации институтов публичной власти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аркатов Д.А. Проблемы электронного гражданского участия в публичной политике города: случай Санкт-Петербурга // Политическая наука. 2022. № 3. С. 296–316.

Баранов Н.А. От недоверия — к легитимации: трудный путь цифровых электоральных технологий на примере России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 3. С. 433–446.

Борисов И.Б. Конец доцифровой эпохи политических процессов // Гражданин. Выборы. Власть. 2021. № 1. С. 124–139.

⁴⁰ См.: *Дудочников А.И.* Уровень заинтересованности населения к внедрению дистанционного электронного голосования на политических выборах в России // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2023. № 2 (59). С. 10.

Быков И.А. “Электронная демократия” vs “Электронное правительство”: концептуальное противостояние? // Политэкс. 2005. № 3. С. 69–79.

Былинкина Е.В. Понятие и виды электронного голосования в России и за рубежом: сравнительно-правовой анализ // Российское право: образование, практика, наука. 2021. № 5. С. 4–10.

Гуторов В.А. Феномен цифровой демократии: современные теоретические дилеммы // ПОЛИТЭКС. 2024. Т. 20. № 2. С. 341–350.

Даль Р. О демократии. М., 2000.

Дзидзоев Р.М., Лолаева А.С. Цифровая (электронная) демократия в России: понятие и пределы // Юридический вестник Кубанского государственного университета 2022. № 14 (2). С. 14–20.

Дудочников А. И. Уровень заинтересованности населения к внедрению дистанционного электронного голосования на политических выборах в России // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2023. № 2 (59). С. 8–12.

Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000.

Лаврик Н.В. Электронная демократия: теоретические основы исследования // Вестник ЗабГУ. 2014. № 12(115). С. 74–82.

Лолаева А.С. Место электронного правительства в системе государственного управления // Право и политика. 2022. № 2. С. 19–29.

Лолаева А.С. Цифровая (электронная) и традиционная демократия: вопросы соотношения // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 4. С. 23–26.

Масуда Е. Информационное общество как постиндустриальное общество // Социокультурные утопии XX века. Выпуск II. М., 1983.

Омеличкин О.В. Электронная демократия: понятие, проблемы // Сиб-Скрипт. 2014. № 1 (57). С. 86–89.

Подзоров Р.А. Анализ практики применения дистанционного электронного голосования в избирательном процессе Российской Федерации // РСЭУ. 2023. № 2(61). С. 154–160.

Сунгуров А.Ю. Публичная политика: развитие зарубежных и российских исследований // Политическая наука. 2022. № 3. С. 80–99.

Ровинская Т.Л. Электронная демократия в теории и на практике // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 12. С. 84–96.

Штерле А.В. Влияние дистанционного электронного голосования на явку избирателей в России // Гуманитарный научный вестник. 2023. № 8. С. 32–39.

Хэлд Д. Модели демократии. М., 2014.

REFERENCES

Arkotov D.A. Problemy elektronnoego grazhdanskogo uchastiya v publichnoy politike goroda: sluchaj Sankt-Peterburga [Problems of electronic civil participation in public policy of the city: the case of St. Petersburg] // Politicheskaya nauka. 2022. N 3. S. 296–316 (in Russian).

Baranov N.A. Ot nedoveriya — k legitimacii: trudnyj put' cifrovyyh elektoral'nyh tekhnologij na primere Rossii [From distrust to legitimization: the difficult path of digital electoral technologies on the example of Russia] // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Politologiya. 2022. Vol. 24. N 3. S. 433–446 (in Russian).

Borisov I.B. Konec docifrovoj epohi politicheskikh processov [The End of the Pre-Digital Era of Political Processes] // *Grazhdanin. Vybory. Vlast'*. 2021. N 1. S. 124–139 (in Russian).

Bykov I.A. “Elektronnaya demokratiya” vs “Elektronnnoe pravitel'stvo”: konceptual'noe protivostoyanie? [“Electronic Democracy” vs. “Electronic Government”: Conceptual Confrontation?] // *Politeks*. 2005. N 3. S. 69–79 (in Russian).

Dal' R. O demokratii [On democracy]. M., 2000 (in Russian).

Digital Democracy: Issues of Theory and Practice / Ed. by K.L. Hacker, J.G.M. van Dijk. L.; Thousand Oaks; New Delhi, 2000.

Dzidzoev R.M., Lolaeva A.S. Cifrovaya (elektronnaya) demokratiya v Rossii: ponyatie i predely [Digital (electronic) democracy in Russia: concept and limits] // *Yuridicheskij vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta* 2022. N 14 (2). S. 14–20 (in Russian).

Dudochnikov A.I. Uroven' zainteresovannosti naseleniya k vnedreniyu distancionnogo elektronnogo golosovaniya na politicheskikh vyborah v Rossii [Level of interest of the population in the introduction of remote electronic voting in political elections in Russia] // *Kazanskij social'no-gumanitarnyj vestnik*. 2023. N 2 (59). S. 8–12 (in Russian).

Gutorov V. A. Fenomen cifrovoj demokratii: sovremennye teoreticheskie dilemmy [Phenomenon of digital democracy: modern theoretical dilemmas] // *POLITEKS*. 2024. T. 20. N 2. S. 341–350 (in Russian).

Held D. Modeli demokratii [Models of democracy]. M., 2014 (in Russian).

Kastel's M. Informacionnaya epoha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura [Information Age: Economy, Society and Culture]. M., 2000 (in Russian).

Lavrik N.V. Elektronnaya demokratiya: teoreticheskie osnovy issledovaniya [Electronic Democracy: Theoretical Foundations of Research] // *Vestnik ZabGU*. N 12(115). 2014. S. 74–82 (in Russian).

Lolaeva A.S. Mesto elektronnogo pravitel'stva v sisteme gosudarstvennogo upravleniya [The Place of Electronic Government in the Public Administration System] // *Pravo i politika*. 2022. N 2. S. 19–29 (in Russian).

Lolaeva A.S. Cifrovaya (elektronnaya) i tradicionnaya demokratiya: voprosy sootnosheniya [Digital (electronic) and traditional democracy: issues of correlation] // *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo*. 2021. N 4. S. 23–26 (in Russian).

Masuda E. Informacionnoe obshchestvo kak postindustrial'noe obshchestvo [Information society as a post-industrial society // *Sociocultural utopias of the 20th century*] // *Sociokul'turnye utopii XX veka. Vyp. II*. M., 1983 (in Russian).

Omelichkin O.V. Elektronnaya demokratiya: ponyatie, problemy [Electronic democracy: concept, problems] // *SibSkript*. 2014. N 1 (57). S. 86–89 (in Russian).

Podzorov R.A. Analiz praktiki primeneniya distancionnogo elektronnogo golosovaniya v izbiratel'nom processe Rossijskoj Federacii [Analysis of the practice of using remote electronic voting in the electoral process of the Russian Federation] // *RSEU*. 2023. N 2 (61). S. 154–160 (in Russian).

Rovinskaya T.L. Elektronnaya demokratiya v teorii i na praktike [Electronic democracy in theory and practice] // *World Economy and International Relations* // *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2013. N 12. S. 84–96 (in Russian).

Shterle A. V. Vliyanie distancionnogo elektronnoy golosovaniya na yavku izbiratelej v Rossii [The impact of remote electronic voting on voter turnout in Russia] // Gumanitarnyj nauchnyj vestnik. 2023. N 8. S. 32–39 (in Russian).

Sungurov A. Yu. Publichnaya politika: razvitie zarubezhnyh i rossijskih issledovanij [Public policy: development of foreign and Russian studies] // Politicheskaya nauka. 2022. N 3. S. 80–99.

Van Dijk J. Digital democracy: Vision and reality // Innovation and the Public Sector. 2012. N 19. P. 49–62.